

Занадворов Владислав Леонидович

Простор
Сборник стихов

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владислав Леонидович З.**
Простор: Сборник стихов / Занадворов Владислав Леонидович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-85641-6

ISBN 978-5-519-85641-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Так теперь к вершинам снежным
Песню б вел мою,
Чтобы в ветреную стужу
К песне греться шли,
И она б томила душу,
Как огонь вдали;
Чтоб рождалась в людях сила
От беседы с ней,
Чтобы компасом служила
Песня для друзей!

ВРАЧ ИЗ ПОСЕЛКА БУРМАНТОВО

Я знаю, что некогда ей —
Врачу из поселка Бурмантово.
О, сколько томительных дней
Письма дожидаться обратного!

Что с нею? Сидит у огня
Иль правит в буране оленями?
И трудно ей вспомнить меня
За тысячу верст от селения.

Там ждет—не дождется врача
Охотник, в лесу покалеченный.
Там корчится в муках, крича,
На шкурах раскиданных женщина.

Там столько заботы вокруг —
В бревенчатой северной здравнице;
И паре ли маленьких рук
Со всеми заботами справиться?

А после обхода она
Глядит исподлобья, застенчиво,
Как ласково плещет волна
На стены больницы бревенчатой.

Но дальше хребты до луны,
Медвежьей тайги бездорожие,
Да рушатся с гор падуны
На камни, преданьем поросшие.

А там еженочно она
Встречает работой бессоницу.
За каждого сердцем больна,
Душою о каждом заботится.

А мне бы в палате ночной
С ней вместе возиться со шприцами,
С надеждой, с тревогой одной
Над койкой больного склониться бы.

И с ней проводить бы года
В бревенчатой северной здравнице,
Но девушка эта горда—
Ей помощь моя не понравится.

Я знаю, что некогда ей—
Врачу из поселка Бурмантово.
О, сколько томительных дней
Письма дожидаться обратного,

СВИТЕР

Наш дом в горах сугробами завьюжен,
Уютом грубым он проникнут весь.
Среди мужской одежды неуклюжей
Твой женский свитер приютился здесь.

Он тонко связан и в боках повитерт,
И в стужу мало толка от него,
Но в каждой ниточке, связавшей свитер,
Тепло хранится сердца твоего.

Я помню на вокзале, в час прощанья,
Ты взять его заставила меня,
Чтоб он в пустыне белого молчанья
Служил бы мне надежный, как броня.

Здесь у меня есть малица от стужи
И от бурана — длиннополый «гусь»,
А свитер слишком тонок... И к тому же
Носить его я просто не решусь.

А в зиму не приходит по полгода
К нам ни газет, ни писем от родни,
Мы с марта поджидаем ледохода,
В календаре зачеркивая дни.

Хоть мы тоску скрываем друг от друга,
Но миг придет и, кажется, она
Тебя сметет, как мартовская вьюга,
И сердце разом высушит до дна.

Тогда я свитр поглажу еле-еле,
Ладонью жесткой прикоснусь к нему,
И сразу станет на сердце теплее,
Но отчего теплее, — не пойму...

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Когда в ледяшки превратятся ноги,
А путь лежит в Крестовую губу,
Ты будешь счастлив — посреди дороги
Наткнувшись на охотничью избу.

Я дверь открыл. Здесь было все, что нужно
Для путника, озябшего в ночи:
Дрова, дымясь, потрескивали дружно
И громко пел кофейник на печи.

Но для того, кто двое страшных суток
Плутал по тундре, не смыкая глаз,
Милей огня и добрых самокруток
На низких нарах брошенный матрац.

Я слышал сквозь дремоту, как мужчина
Растер мне ноги и раздел меня,
Закутал по-домашнему овчиной
И в горло вылил два глотка огня...

А утром только узкий след от нарты
Бежал на юг пустынной белизной
Да наспех нарисованная карта
Среди мешков лежала предо мной.

Начерченную углем на газете
Ту карту до сих пор я берегу,
Но кто навел хребты и горы эти,
По ней никак узнать я не могу.

Я не запомнил ни его походки,
Ни голоса, ни взгляда, ни лица,
Не знаю — то ль мы были одноклассники,
Иль старше был он моего отца.

Но год за годом кажется все чаще,
Что я встречаюсь постоянно с ним
В поселках, поездах, таежных чащах,
И каждый раз под именем другим.

ХАТАНЗЕЙ

Сколько лет бы я еще ни прожил
Средь моих отзывчивых друзей,
Мне простой охотник всех дороже
С именем нерусским — Хатанзей.

Не забыть мне легкую походку,
Каждого поступка прямоту
И его испытанную лодку
С трещиной от камня на борту.

То не он ли мчался по порогам
Сквозь огонь и дым пороховой,
Чтоб коней седлали на отрогах
Партизаны полночью глухой?

Горы за четыре километра
Сами проступали через тьму.
От любви иль, может быть, от ветра
Сосны в пояс кланялись ему.

Если он за темными гольцами
Подносил к губам призывный рог,
Шли к нему олени с бубенцами,
Пестуны вставали у берлог.

Обожженный порохом и дымом,
Опаленный солнцем и пургой,
Девушкам казался молодым он,
Был невестам самый дорогой.

Всем, что в сердце мужественном жило,
Он любил родимые края,
А не с ним ли рядом проходила
Молодость суровая моя?

Сколько раз мы ночью на привале
Коротали время до утра,
Сколько раз друг друга согревали
Дружбой у потухшего костра.

На хребты, в туманные долины
Вел меня мой верный проводник,
Чтобы я в сокрытые глубины
Сердцем замирающим проник.

И ко мне черемухи тянули
Ветви, тяжелевшие в цвету,
Птичьи стаи в сумраке тонули,
Песням обучали на лету.

Было все понятно и подвластно,—
Смерть озер и зарождение рек.
Оживает в памяти прекрасный
Тот простой, спокойный человек,

Что в горах, с поломанной берданкой,
Защищал таежные края,
Что встает над каждою стоянкой
Как живая молодость моя,

Годы те кострами отпылали,
Но следов золой не замести.
И друзья другие протоптали
Зимники по нашему пути.

Потому-то, сколько б я ни прожил
Средь моих бесчисленных друзей,
Мне простой охотник всех дороже
С именем нерусским — Хатанзей.
